

Н.В. БОРИСОВА, К.А. СУЛИМОВ
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ СООБЩЕСТВО
МЕЖДУ ГЛОБАЛЬНОСТЬЮ И ЛОКАЛЬНОСТЬЮ:
ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ¹

Процессы глобализации экономики и образования, информатизации обществ являются серьезным вызовом для университета как традиционного социального института и одновременно профессионального сообщества ученых и преподавателей. Болонский процесс в странах ЕС и за его пределами, реформа высшего образования и академической науки в России проявляются в изменении структуры и правил жизни университетов как научных и образовательных центров, с одной стороны, а также влияют на стратегии взаимодействия университетов с сообществами (локальным, прежде всего) – с другой. Университеты (прежде всего в лице администраций) отказываются от роли «автономного соседа» и примеряют новую для них роль «партнера» по отношению к городскому сообществу, поскольку в территориальном измерении именно города являются традиционно местом жизни университетов. Движение университетов в сторону локального не вызывает сомнений. Вопрос, однако, состоит в том, чем вызвано, в чем конкретно проявляется и как непосредственно реализуется изменение стратегии взаимодействия с сообществом в контексте глобализационных вызовов. Или, иначе говоря, как сочетается в институциональных трансформациях

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках реализации исследовательского проекта РГНФ № 14-03-00501 «Европейские университеты в меняющемся мире: институциональная трансформация и стратегии взаимодействия с сообществами».

университетов глобальное и локальное. При этом именно локальное, реализуемое во взаимодействии с местными сообществами, является уникальным для каждого конкретного случая, а значит, чрезвычайно изменчивым по всей совокупности в противовес глобальному.

Для целого ряда европейских университетов характерна традиция «Town & Gown» как практика сосуществования и соседства университетского и городского сообществ в университетских городах. Эта традиция восходит, прежде всего, к Оксфордскому и Кембриджскому университетам, студенчество и профессура которых на протяжении длительного времени, живя в городе, не были частью городского сообщества. Напротив, они нередко оказывались в состоянии конфликта с горожанами: «Конфликт был неизбежен в средневековых университетских городах, где два автономных управляемых различными структурами сообщества существовали на единой территории» [Дыба, 2013]. И хотя в XX в. традиция противостояния потеряла свою остроту (современных носителей мантии – студентов и преподавателей – никто уже не изгоняет из города за шумные пирушки, как это было в истории с Оксфордом и образованием Кембриджа), однако проблема отношений университета и города осталась. Более того, в современных условиях глобальной академической мобильности она получает новое звучание. Социальная роль современных университетов в городах оказывается амбивалентной. С одной стороны, университетское сообщество (студенты и преподаватели) нередко оказываются «чужеродны» городу, поскольку их жизнь в нем ограничена временем учебы или преподавательским контрактом. С другой стороны, университеты в университетских городах нередко выступают крупнейшими работодателями в широком смысле этого слова. В таких условиях аренами взаимодействия университета с городом становятся не только образование и академическая наука, но и те сферы жизнедеятельности сообщества, которые до этого не рассматривались ни университетами, ни самими сообществами как сферы, возможные для приложения ресурсов и интересов университетов: городская инфраструктура, политика мультикультурализма, политика по обеспечению устойчивого развития сообщества в условиях культурного разнообразия, гендерная политика, экологическая политика и др.

Включение университетов в это взаимодействие сопровождается определением новых стратегических целей развития уни-

верситетов, пересмотром миссии университетов, а также созданием внутри университетов новых структур, деятельность которых направлена на обеспечение устойчивого развития университетов в системе взаимодействия с городскими сообществами, городскими властями. Происходит институциональное изменение и даже трансформация университетов, которые если и не теряют статус «башни из слоновой кости», то в значительной мере его дополняют новыми социальными ролями. Эти роли могут быть разными по своему содержанию и значимости в контексте взаимодействия университетов и городских сообществ. Университет может выполнять ресурсную, распределительную, экспертную роли, роль медиатора в решении конфликтных ситуаций. Кроме того, университет может выступать и как субъект, и как пространство (место) взаимодействия. Исходным посылом исследования является ожидание, что разные университеты могут по-разному реагировать на вызовы глобальности и локальности. Поэтому в данной работе использованы три примера: Католический университет г. Левена (Бельгия), Университет г. Геттингена (Германия) и Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия).

Использование концепции институционального изоморфизма П. Дж. Димаджо и У. В. Пауэлла [Димаджо, Пауэлл, 2010] позволяет зафиксировать и понять сущностные характеристики амбивалентности и даже множественности ролей и функций современных университетов на примере реализации университетами своей социальной роли в отношении местных сообществ в условиях глобализации. Авторы этой концепции указывают на то, что акторы, пытаясь изменить собственные организации, делают их все более и более похожими друг на друга. Это возможно в результате трех изоморфных процессов:

- 1) принудительного изоморфизма (когда институциональное изменение организации происходит принудительным образом, в результате внешнего давления);

- 2) нормативного изоморфизма (когда изменение и институциональное сближение обусловлены действием общих стандартов, правил, моделей поведения);

- 3) подражательного изоморфизма (когда институциональное изменение происходит в результате стандартных реакций на институциональную неопределенность) [Димаджо, Пауэлл, 2010, с. 35].

Каждый из этих процессов понимается П.Дж. Димаджио и У.В. Пауэллом как три механизма институциональных изменений.

Применительно к настоящему исследованию институциональные изменения в современном университете возможны в этих трех вариантах. Во-первых, как следствие формального и / или неформального давления со стороны других субъектов (правительства, других образовательных организаций, бизнеса) на университет. Во-вторых, в результате присутствия и включенности университета в общее профессиональное поле и усвоения университетом общих стандартов, норм и моделей поведения. Используя традицию П. Бурдье, можно говорить о том, что происходит распространение и проникновение легитимных и социально одобряемых институциональных практик в организационное поле университетской жизни. Наконец, в-третьих, университет в условиях даже минимальной институциональной неопределенности (как следствия реформы, вызовов глобализации, Болонского процесса и т.п.) вынужден заимствовать те стандарты и практики, которые транслируются и воспринимаются в организационном поле жизни университета как успешные.

В случае развертывания университетами новой стратегии взаимодействия с локальными сообществами следует учитывать тот факт, что сама современная мода на то, что часто называют «третьей ролью» как часть стратегии развития университета в контексте его взаимодействия с сообществом, оказывается, с одной стороны, привнесённой извне, а с другой – вынужденным ответом на вызовы глобализации. Так, первыми системный подход к новой социальной роли университетов осуществили финские вузы. С 1960-х годов в Финляндии на университеты были возложены функции формирования и консолидации местных сообществ в идеологии развития непрерывного образования, основанного на тесном сотрудничестве городских школ и университетов. Именно последнее и стало стимулом к развитию их социальной роли. В конце XX в. скандинавские вузы подобно тому, как это делает бизнес, пошли по пути разработки этики «корпоративной социальной ответственности», включающей достижение экономического благополучия сообщества, обеспечения «благоприятной среды» и создание новых рабочих мест, повышение человеческого потенциала и т.д. [Система образования Финляндии, 2005, с. 11]. Пример

финских университетов отсылает нас к так называемому подражательному изоморфизму: опыт социально ответственного бизнеса был привнесен и заимствован образовательными учреждениями, следствием чего стало формирование идеологии «третьей роли» университетов. Институциональное закрепление идеологии «третьей роли» произошло в 2004 г., когда на национальном уровне был принят Акт об университетах, который законодательно закрепил их «третью роль». В текстах программ стратегического развития университетов последние стали пониматься не только как образовательные институты, но как субъекты социального взаимодействия и равноправные участники регионального (городского) развития, определяющие, наряду с властью и бизнесом, региональную повестку дня и стратегии регионального развития.

Скандинавский опыт реализации «третьей роли» стал «заразительным» и для университетов других стран, где инициаторами и субъектами реализации «третьей роли», как правило, выступают университетские администраторы. И в этом случае успешная практика других вузов заимствуется университетом. Так, например, было с Пермским государственным национальным исследовательским университетом, когда в процессе разработки Стратегии развития ПГНИУ [Стратегия... 2012; Университет и региональные... 2013, с. 107] обсуждение стратегических направлений развития университета происходило при изучении успешных практик и институциональных решений, найденных за пределами России – в Европе, в том числе в скандинавских странах. Однако было бы неправильным сводить реализацию университетами «третьей роли» только к эффектам подражательного изоморфизма. Пермский случай свидетельствует о том, что решение о формулировании и содержательном наполнении стратегии и миссии университета принималось его руководством как под внешним, так и под внутренним влиянием. Получив в 2010 г. статус национального исследовательского университета, ПГНИУ вынужден был отвечать требованиям и целевым показателям программы развития национального исследовательского университета (НИУ), которая утверждалась Министерством образования РФ. Политическое решение государства относительно выбора, финансовой и институциональной поддержки приоритетных академических направлений, способствующих повышению конкурентности отечественной науки в современном

глобализирующемся мире, в случае с ПГНИУ фактически «разделило» университет на НИУ и остальных. В НИУ вошли факультеты естественно-научного и экономического профиля, в то время как гуманитарные факультеты оказались «за бортом» – вне поддержки и дополнительного финансирования науки, в условиях постоянного сокращения бюджетных мест и т.п. Эти решения спровоцировали внутренний раскол и, как следствие, протест представителей гуманитарных факультетов против такой дискриминации: университетские филологи и политологи – члены Ученого совета университета – публично оспорили подход к формированию стратегии развития университета исключительно как образовательного и академического учреждения, предложив актуализировать гуманитарную и социальную функции университета с точки зрения его роли и встроенности в городское и региональное сообщества. Идея «третьей роли» как успешной западной практики была предложена гуманитариями и стала способом преодоления наметившегося внутреннего институционального раскола.

Университет как субъект «третьей роли» внутренне не един. Как это уже отмечалось выше, субъектом решения о реализации «социальной миссии» является администрация вуза. Даже в пермском случае важным условием включения в стратегические направления развития ПГНИУ стала поддержка со стороны проректора по стратегическому развитию, экономике и правовым вопросам – профессора историко-политологического факультета. Чаще всего, как показывает наше исследование, «третья роль» оказывается политико-административным стремлением вузовской администрации, которая наталкивается на непонимание и отсутствие поддержки со стороны сотрудников. Профессура и преподаватели воспринимают функционал, связанный с реализацией «третьей роли», как дополнительный к уже существующей традиционной нагрузке – преподаванию и исследованиям.

В связи с этим интересными представляются данные, полученные в ходе полевых исследований (интервью и анкетирование) в Лёвенском и Гёттингенском университетах. Так, Лёвенский университет начиная со второй половины 2000-х годов активно реализует специальные программы, направленные на решение проблем городского сообщества, а также включенности университета в жизнь города. Несколько лет назад в структуре университета поя-

вился специальный департамент, отвечающий за это направление деятельности: доступная городская и университетская среда, программы по поддержанию городской среды (чистота, общественный порядок), адаптация и социализация мигрантов и детей из семей мигрантов (преимущественно из стран Африки), программы по включению мигрантов в образовательное пространство Лёвена, профориентационная работа со школьниками, совместные мероприятия университетской администрации с местной полицией и др. Это направление деятельности курирует проректор по политике в области культурного разнообразия и устойчивого развития Католического университета Лёвена, в функционал которого входит взаимодействие с местными и региональными властями.

Особенностью Католического университета Лёвена является то, что сам по себе город обязан университету своим существованием. Если в городе спросить: «Где университет?», – в 100% случаев вам ответят: «Университет везде». Действительно, в нашей выборке этот университет лидирует по количеству студентов относительно общего числа горожан и составляет порядка 44,44%. Университет является крупнейшим работодателем в городе. Однако интегрированность студентов (как граждан Бельгии, так и иностранных студентов) в городскую среду, по мнению всех экспертов, остается крайне низкой. Они не являются жителями Лёвена и не участвуют в местных выборах, платят налоги, на выходные студенты-бельгийцы предпочитают уезжать домой к родителям за пределы Лёвена. Без студентов город пустеет: пустынные улицы, места общественного пользования и досуга, полупустой транспорт и мало велосипедистов. Связь города и университета симбиотична, но при этом внутренне конфликтна: лёвенцы не любят шумные вечеринки студентов (особенно в ночь с четверга на пятницу), нарушающих ПДД студентов-велосипедистов; местным депутатам и мэру от внимания к проблемам студентов нет никакой электоральной выгоды (последние не голосуют на местных выборах). Но проблемы студентов (жилье, досуг, транспорт, общественный порядок) оказываются в зоне внимания и ответственности именно местных властей.

В условиях тенденции интернационализации образовательных программ и роста числа иностранных студентов (по данным интервью, каждый третий студент характеризуется как Cultural

diversity student, т.е. отличается признаками инаковости в широком смысле этого слова), лёвенское студенчество в количественном отношении значительно выросло. Эти объективные факторы заставляют администрацию университета и местные власти выстраивать диалог и институционализировать сотрудничество в области решения проблем взаимодействия «университета и городского сообщества». В 2011 г. университет разработал и ввел в действие так называемый План по продвижению политики разнообразия (Diversity policy plan), включающий программы и конкретные мероприятия для сотрудников и студентов университета, а также местного сообщества.

Исследование в Гёттингенском университете позволило выделить актуальные конфликтные ситуации в разрезе взаимодействия «университет – городское сообщество». Во-первых, это конфликт относительно размещения студентов: в последние годы отмечается постоянный рост численности студентов, при этом у университета нет возможности предоставить всем желающим общежитие. Более того, традиционно студенты европейских вузов арендуют жилье. Однако возможности города оказались ограничены: в 2014 г. значительное число студентов не смогли арендовать жилье по приемлемой цене, что вызвало конфликт как внутри университета, так и за его пределами. Второй конфликтогенной проблемой является организация работы общественного городского транспорта: распределение остановок, расписание в позднее вечернее и ночное время и т.п. Третья достаточно значимая проблема, отмечаемая респондентами, касается межкультурных конфликтов, возникающих, прежде всего, на этнической почве и являющихся следствием политики мультикультурализма и программ по интернационализации образования, академического обмена и мобильности. Эти проблемы коррелируют с проблемами, выявленными в Лёвене.

Полученные результаты позволяют обозначить модель взаимодействия университета с локальным (городским) сообществом. Гёттингенский и Лёвенский университеты (большой университет в небольшом городе) оказываются доминирующими субъектами и вынуждают других субъектов приспосабливаться к себе. В случае с Гёттингеном это отчетливо проявляется в обозначенных конфликтных сферах: жилье для студентов и транспорт для них же. Столкнувшись с дефицитом жилья по приемлемой цене, университет

прибег к помощи городских властей, предоставивших городскую школу под временное общежитие. Город также изменил расписание и маршрутную сеть общественного транспорта под нужды студентов, что вызвало недовольство, по крайней мере, части горожан (жители в интервью рассказывали, что прежнее расписание и сеть действовали в неизменном виде чуть ли не 16 лет, а тут были изменены, при этом – что вызывало особенное возмущение – без консультаций с горожанами). Действия университета и последующие действия города по помощи университету вызваны борьбой в университете между его внутренними группами: студентами и администрацией. Студенты провели несколько довольно массовых акций протеста по поводу нехватки жилья по приемлемой цене и организовали палаточный лагерь, в том числе как средство давления, а некоторые важные решения в сфере транспорта были инициированы студенческим парламентом университета. Но, разумеется, решение проблемы с жильем стало собственным интересом и для администрации вуза, потому что оно выступает необходимым условием реализации стратегии университета по включению в глобальное образовательное пространство, связанное с увеличением количества студентов вообще и иностранных студентов прежде всего. То есть в данном случае мы имеем дело с ситуацией нормативного изоморфизма, когда университет воспроизводит общепринятые университетские практики. Но их успешная реализация возможна лишь при выполнении некоторых условий (в данном случае – наличие достаточного жилого фонда – собственного или городского, но по приемлемой для студентов цене). Собственных ресурсов для решения этой проблемы университету недостаточно (несмотря на то что общий бюджет университета, например, в 2012 г. был больше 1 млрд евро), поэтому он вынужден взаимодействовать с городскими властями, которые, безусловно, сами крайне заинтересованы в данном взаимодействии. Городской девиз гласит: «Гёттинген – это город, который творит / создает знания». Превращенную немецкую конструкцию этого девиза можно перевести на русский как «наукоград». При этом город получает очень значимые символические бонусы от статуса университетского города: в 2014 г. Нобелевскую премию по химии получил директор одного из институтов общества Макса Планка, расположенного в Гёттингене: горожане говорили «мы» получили, «нам» дали.

Реализация социальной роли влечет за собой включение университета в разнообразные арены взаимодействия, представляющие собой разные уровни социальной реальности: от локального до глобального. В контексте современных процессов эти уровни сложно – неиерархически, гетерархически – взаимодействуют между собой и неодинаково влияют на деятельность университета. Аккумуляция, приращение и производство интеллектуальных, морально-этических, организационно-институциональных и финансовых ресурсов позволяют университету быть активным субъектом институциональных изменений в окружающей среде на различных уровнях социальной реальности. Университет является одновременно и коллективным актором, и месторасположением борьбы между внутренними акторами с различными интересами, ресурсами и программами: студенчество vs университетская администрация; студенчество как часть университета vs горожане; гуманитарии vs естественники; преподаватели vs университетская администрация. Эти противостояния накладываются друг на друга, усложняют конфликт интересов.

В крупных городах, таких как Пермь, университет стремится занять свою нишу в городской публичной жизни через реализацию «третьей роли». При этом следование глобальному тренду моды на «третью роль» в российском случае региональным университетом рассматривается, в том числе, как способ преодоления локальности. Пермский университет, как и большинство региональных российских вузов, работает на нужды регионального рынка труда. Но эта локальность испытывает влияние глобальных вызовов – интернационализации науки, требования повышения конкурентоспособности образовательных программ и исследовательских направлений, реализуемых университетами.

Если студенты в крупных городах «растворяются» в городской среде, то в случае университетских городов они осваивают городскую среду, продолжая традицию «town & gown» (надо видеть, как в рамках того, что в России принято называть «посвящением», студенты в Гёттингене совершают почти средневековые вылазки в город и возвращаются обратно с «трофеями»!). В исследуемых европейских случаях – Лёвене и Гёттингене – эта традиция освоения студентами локуса и конфликтного сосуществования городского и университетского сообществ в условиях глобализации

высшего образования запускает и стимулирует реализацию «третьей роли». При этом логика «освоения» города здесь очевидно другая – университеты в этих небольших городах используют город как ресурс для решения своих вполне «традиционных» задач. Можно даже говорить о том, что освоение и умелое использование локуса является фактором успеха в глобальном измерении. С этим связаны два важных момента. Во-первых, город сам по себе все-таки не является приоритетной целью. А во-вторых, такие университеты обладают в некотором роде монополией на использование города как ресурса, в отличие от крупных городов, где университеты существуют в конкурентной ситуации. При этом необходимо отметить, что сам термин «третья роль» здесь не используется. Это косвенно указывает на то, что речь не идет о добавлении к двум традиционным ролям – научные исследования и преподавание – рядоположенной и столь же значимой третьей роли.

Но во всех случаях ключевым агентом «социальной миссии» университета выступает администрация, которая имеет очевидно разнонаправленные стратегические интересы. С одной стороны, руководство не только российских, но и европейских университетов исходит из интересов коммерциализации науки, увеличения финансирования за счет привлечения иностранных студентов, повышения рейтинга вуза, в том числе через высокие показатели публикационной активности сотрудников. С другой стороны, университетские администраторы вынуждены учитывать фактор локальности и отвечать на вызовы локализации. Это означает, что рассмотрение практики взаимоотношения университетов и городских сообществ, а также реализации современными университетами «третьей роли» невозможно вне глобального контекста и вызовов глобализации в отношении университетов. Кроме того, интересы университетских администраторов очень часто не совпадают с интересами преподавателей, на которых ложится бремя реализации «третьей роли»: именно так, как показывают интервью, последние воспринимают этот новый функционал. Однако такое восприятие очень часто оказывается поверхностным и эмоционально окрашенным: в ходе интервью респонденты, описывая свою работу и социальную активность, приводили примеры того, как они, их коллеги, студенты включены во взаимодействие с городским сообществом в контексте решения актуальных для обеих сторон вопросов.

Причем эта их активность воспринимается ими как самодостаточная, добровольная и автономная относительно интенций университетской администрации. В связи с этим актуальным оказывается вопрос: а возможно ли обеспечить совпадение (ценностное и содержательное) стимулов и стратегий администраций университетов и сотрудников и будет ли оно способствовать консолидации университетского сообщества, с одной стороны, и эффективности его взаимодействия с городским сообществом – с другой?

Список литературы

- Димаджо П. Дж., Пауэлл У. В.* Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. – М., 2010. – № 11(1). – С. 34–56.
- Дыба Е.* Университет и город: история противостояния. – 2013. – Режим доступа: http://urban.hse.ru/urb.stud.townandgown_3 (Дата посещения: 12.12.2014.)
- Система образования Финляндии: успехи школьного обучения и «третья роль» университетов // Актуальные вопросы развития образования в странах ОЭСР / Отв. ред. М. В. Ларионова. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 8–12.
- Стратегия развития Пермского государственного национального исследовательского университета на 2012–2016 гг. и на период до 2020 г. – Пермь, 2012. – 26 с. – Режим доступа: http://www.psu.ru/files/docs/normativnaya_baza/base_nd/strategy_pgniu_.pdf (Дата посещения: 24.05.2015.)
- Университет и региональные (городские) сообщества: модели сосуществования и управленческие механизмы интеграции (российский и европейский опыт) / Голубев С., Пунина К., Смирнов В., Фадеева Л. // *Arg administrandi* (Искусство управления). – Пермь, 2013. – № 4. – С. 102–116.